

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.422.1

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-19-30

ПУБЛИЦИСТИКА ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бояркина Н. В.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
Симферополь, Российская Федерация
boiarkina-natalia@list.ru*

В статье анализируются военные корреспонденции Ильи Эренбурга, которые он создавал на протяжении 1915–1917 гг. как корреспондент (на франко-германском фронте) российских газет «Утро России» и «Биржевые ведомости». Исследуется трансформация газетных материалов в художественный текст – первое прозаическое произведение «Лик войны». Также рассматривается, как преобразовывалось содержание этой книги при подготовке различных редакций в зависимости от изменения авторских взглядов, выраженных в предисловиях и послесловиях к произведению.

Ключевые слова: Илья Эренбург, Первая мировая война, военные корреспонденции, человек, европейская культура.

ВВЕДЕНИЕ

В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Илья Григорьевич Эренбург сетовал, что в период Великой Отечественной войны не создал ни одного художественного произведения, отдавая все силы публицистической работе: «тысячи статей, похожих одна на другую, которые теперь может прочитать только чрезмерно добросовестный историк» [11, с. 512] – имеют короткую жизнь газетного листа. Однако именно они сделали его имя всемирно известным, и сегодня мир знает Илью Эренбурга прежде всего как военного публициста.

В качестве определяющего в его формировании как будущего сотрудника «Красной звезды» во время Великой Отечественной Эренбург называл опыт военного корреспондентства в Испании в 1930-е годы: здесь он, по собственному признанию, лучше понял войну и наших людей, научился находить нужные слова.

Хотя сама война вошла в жизнь публициста гораздо раньше – в «душный, знойный» день 1914 г. Первая мировая война сделала его журналистом, стала темой его первой прозаической книги («Лик войны»), определила тематическое, идейное и жанровое своеобразие его первых опытов в создании большой художественной прозы («Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.»).

В этот период формируются подходы к главной теме всего эренбурговского творчества – антивоенного и антифашистского по содержанию, вполне оформляются своеобразные черты его индивидуального писательского стиля – гибридного жанра, совмещающего элементы романа, дневника, памфлета. Кроме того, ранняя эренбурговская публицистическая проза обладает несомненными художественными достоинствами для того, что стать предметом подробного анализа.

В этой связи закономерен исследовательский интерес к эренбурговскому творчеству периода Первой мировой войны. С его книгой «Лик войны» связано представление как о

ярком, характерном образце освоения военной темы писателем-модернистом, воплотившем «импульс движения к мозаичности, калейдоскопичности, коллажности синтетической книги с размытой жанровой идентификацией как форме передачи смыслового излома, нестыковки, антитетичности, несмешиваемости в пределах устоявшейся понятийной логики противоположных проявлений человеческого духа, различных личин войны» [4, с. 13].

Интерес вызывает и газетная работа Эренбурга-корреспондента как основа книги «Лик войны»: эссеистичность его журналистских материалов, «выпадающих по стилистике из газетного дискурса» [2, с. 144], во многом предопределила возможность их трансформации в единый художественно-публицистический текст.

Не осталась без внимания «подвижность» мозаичной эренбурговской книги, которая путем изъятия фрагментов мозаики пересобрана автором, представляя в последнем изводе измененную концепцию пережитой Европой катастрофы [6].

В настоящей статье проанализированы военные корреспонденции Эренбурга, которые он создавал как корреспондент Первой мировой войны, прослежены трансформация газетных материалов в художественный текст – первое прозаическое произведение «Лик войны», а также авторское преобразование последнего при подготовке различных редакций книги.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первую мировую войну Илья Эренбург встретил в Париже, где находился в политэмиграции, опасаясь повторного ареста за большевистскую деятельность. Роль простого наблюдателя разворачивающейся мировой катастрофы была слишком тяжела для молодого поэта: «Тяжелее всего было сидеть и смотреть, как уходят другие» [10, с. 155], – признавался Эренбург, решивший наконец, что тоже пойдет добровольцем. Однако военная медицинская комиссия забраковала: сказалось больное сердце.

Поневоле Эренбургу пришлось быть зрителем мировой драмы, и он не раз сетовал на завистливость и тяжесть этой участи, а именно в этой роли он предстает как автор публицистических работ рассматриваемого периода.

До войны Эренбург занимался почти исключительно поэзией, поэтому не сразу обратился к публицистике, а начал писать, когда, по его собственным словам, рассердился. Прочитав однажды в «Утре России» статью о Париже, он обнаружил, что так называемый собственный корреспондент не знает реального положения дел в городе. «Почему они говорят о “собственном корреспонденте”? Ведь это написано в Москве! (Я был наивен и не знал, как делают газету). Я пошел в “Ротонду”, попросил бумаги и начал описывать парижскую жизнь» [10, с. 168], – так Эренбург вспоминает начало своей журналистской деятельности.

Эренбург писал для «Утра России» на протяжении почти полугода: с ноября 1915 г. по март 1916 г. За этот период в газете было опубликовано полтора десятка корреспонденций. Затем он сменил покинувшего Париж Максимилиана Волошина на посту сотрудника «Биржевых ведомостей»: поэт рекомендовал Эренбурга редакции как известного ей «по имени, по его книгам и переводам старых и новых французских поэтов», как человека, который «прекрасно знает Францию и может быть очень интересен для газеты» [5, с. 112]. Впоследствии «Биржевка» опубликовала, на протяжении апреля 1916 г. – октября 1917 г., шесть десятков его публицистических материалов. В них Эренбург описывал парижскую жизнь, тыловой быт приграничных

районов, освобожденных территорий Бельгии, воюющей Италии, а с конца 1916 г. в газете стали появляться его материалы непосредственно с франко-германского фронта.

В своих статьях публицист информировал читателей о событиях в жизни Парижа, например, о проведении Дня всех усопших, конкурсе издаваемых солдатами журналов, гастрольях русского балета, выставке военных фотографий.

Так, материал «Лик войны» Эренбурга представляет собой репортаж из Музея прикладных искусств, где открылась выставка фотографий войны. Он описывает отделы выставки – сербский, итальянский, бельгийский, английский и французский (русские не успели привезти фотографии к мероприятию), пытается уловить, что собой представляет «новая маска, новый костюм древнего Ареса» [9, с. 225]. Как заправский журналист, Эренбург в своем репортаже показывает реакцию зрителей – солдата, старушки, детей, каждая из которых определенным образом соотносится с собственными наблюдениями публициста. Статья является в определенной степени программной, потому что ее заголовок впоследствии станет названием для первой прозаической книги Эренбурга о войне. В ней новый Арес явлен как Бог Машины, созерцание которого рождает у писателя видения «не то апокалипсиса, не то утопического романа» [9, с. 228] о войне будущего: вскоре из-под пера Эренбурга выйдут художественные произведения, посвященные хозяйству мистера Куля – машине по уничтожению человечества оптом.

В поисках материала для газетных статей сотрудник «Биржевки» посещал госпитали, «Сербский дом» для общения с непосредственными участниками военных событий. Его материалы («Среди сербов», «Сильные», «Заглянувший») крайне ценны тем, что воссоздают трагедию сербского народа, пережитую им в годы Первой мировой войны. Он обращается к сербскому делу, потому что для русского читателя представляет особый интерес все, что связано с братским славянским народом, и потому что, по мнению Эренбурга, у русских и сербов схожее понимание войны, чрезвычайно значимое для поисков публициста этого периода: сербами и русскими война переживается как «воинская мука стояния за свои права», «строгое и богомольное дело» [9, с. 166].

Выезжал Эренбург на места минувших битв, в приграничные и освобожденные местности. Например, он посещал поля крупных и значимых сражений Великой войны – боев на Урке, на Уазе. Им руководит и естественное любопытство газетчика, желающего показать, как места бывших сражений возвращаются к мирной жизни, и стремление пацифиста не дать забыть о старых ранах. В конечном счете, для поисков Эренбурга чрезвычайно важным оказывается, что приносит с собой война, как она меняет людей и города (помимо своего внешнего разрушительного воздействия), потому что от ответа на вопрос о последствиях во многом зависит ответ на вопрос зачем это все было. Так в публицистической прозе писателя позднее появится образ «возвращения на прежнюю блевотину» [9, с. 153].

Бывал газетчик и в местах расположения французского флота, авиационных эскадрилий. «Эренбург вполне профессионально писал о работе моряков и авиаторов, о саперах, об авиафотографах и об артиллеристах; о новой военной технике: первых танках, аэропланах и подводных лодках» [4, с. 19].

Готовил обзорные материалы, например, о французской поэзии военного времени, французском духовенстве и его участии в войне, о французских евреях. Для Эренбурга такой материал был поводом поговорить о довоенном состоянии культуры и духовном облике человека.

Часто основой для его материалов становились беседы с людьми – бывшими знакомыми или случайными встречными: написанные в форме ответа на вопрос интервьюера они строятся в виде монолога, рассказа героя об отдельном эпизоде его военной биографии. Так, старый знакомый публициста Роже Л., бывший студент-медик, рассказывает о своей работе в составе миссии в Сербии; семья беженцев из Нанси – о бомбежке этого города в Новый год и их вынужденном бегстве; молоденький сулейтенант Т. – о солдате-бретонце, ценой своей жизни спасшем раненого немца; контрабандист баск Педро Борхес – о том, как стал добровольцем. Такие мини-монологи у публициста сопровождаются лишь небольшим вступлением и часто не снабжаются заключением – настолько они самоценны и красноречивы. В ряде случаев заключительное слово публициста представляет собой своего рода опустившийся занавес либо же звучит как мораль, вывод, усвоенный слушателем, или как неразрешенный вопрос.

Характерной особенностью эренбургской публицистической прозы рассматриваемого периода является то, что его материалы часто в основе своей имеют диалог персонажей: три солдата во второй линии окопов обмениваются репликами по случаю раздачи писем; два солдата из батальона альпийских стрелков вспоминают события из походов в другие страны – Норвегию и Сербию; двое раненых описывают ситуации, характеризующие будничность ратного дела; моряки – младший офицер большого дредноута и капитан подводной лодки рассказывают об особенностях надводной и подводной войны. Реплики в таких диалогах строятся как дополнение, углубление темы или как многоголосица.

Выезжая на передовую, перемещаясь по линии фронта, Эренбург попадал под обстрелы и имел возможность непосредственно видеть бои с наблюдательных пунктов. Однако батальные сцены его фронтовые корреспонденции практически не содержат. Сам публицист объясняет это тем, что в современной войне человек мало что видит на фронте, вынужденный по большей части прятаться в окопах и траншеях от смертоносных машин. «На земле эти чудовищные насекомые, в небе целые стаи стальных птиц. Десятками они висят, кружатся над местом битвы. Вокруг них белые дымки шрапнели. Среди аппаратов английских впервые вижу трипланы. Вот один аэроплан как-то неожиданно покачулся и грузно упал на землю. Около нас валяется другой подшибленный биплан. Немцы контратакуют. Их заградительный огонь покрывает все лежащее позади боя. Тяжелый дым не рассеивается, но стелется по земле» [4, с. 288], – так описывает Эренбург бой в корреспонденции «На английском фронте». Современные батальные поражения поражают безлюдием – люди зарыты в землю, поэтому в материалах корреспондента больше внимания уделяется описанию военной техники и окопной жизни, которые и составляют особенность современной войны.

Среди газетных статей Эренбурга особое место занимает едва ли первая в России рецензия на книгу Барбюса «Огонь». Явленная в ней окопная правда очевидно коррелирует с поисками самого Эренбурга: будни войны, многомесячная жизнь в ожидании смерти среди зловонной хляби окопов, сам этот запах смерти и тления, превращение нежизни в жизнь и продолжение жизни рядом со смертью – вот что занимало публициста в первую очередь. И над всем этим главный вопрос – во имя чего? В конечном итоге, Эренбурга интересовала «сокровенная биография войны», а не ее «послужной список» [9, с. 152]: душа человека и душа европейской цивилизации, их пути становятся центром размышлений публициста.

Поэт увидел настоящую войну «громадной по захвату, технической по форме» [9, с. 171]. Лик современной войны – это лик машины. Публициста поражает безлюдие, пустыня – «ужаснее всех ужасов эти серые картины заблиндированной земли. И математически точных чудовищ, выплевывающих смерть» [4, с. 228]. Орудуют машины, огнем уничтожая на поверхности все живое, а человек, бессильный против них, закапывается в землю, устраивая целые подземные города, которые, в конечном итоге, превращаются просто в огромные кладбища. «Пушки, пулеметы, танки, аэропланы... А люди? Можно ответить на это – люди ими управляют. Мне же кажется, вернее – они, эти хитрые машины, правят людьми. Как слаб и беспомощен человек, когда он идет на пулеметный огонь, как уязвима его плоть рядом с чешуей танка. Среди машин он должен ассимилироваться, сам стать некой машиной» [4, с. 289]. И, приспособившись, облачаясь в каски и противогазы, люди становятся «подобны каким-то чудовищам. Может, быть в этой страшной войне это самое страшное» [4, с. 232]. Организовывая войну как индустриальное заведение, как фабрику, люди носили в себе отпечаток машинной цивилизации: «Война лишь яркое выявление современности. В боях, как на парижских бульварах, как в сердце человека, царит не дух, но лишь машина» [9, с. 289].

В десятке корреспонденций Эренбург развивает идею об упадке европейской цивилизации, выхолащивании духа из бытия Европы, которая пребывала в полусонном состоянии, проповедовала сладость бытия и жила идеей душевного уюта: это была ночь европейской цивилизации, «зашедшей в тупик себялюбия, безверия, эстетизма, пустоты» [4, с. 283]. Поскольку все плоды цивилизации потеряли для нее ценность, она без сожаления уничтожала их в огне войны – так проявлялась современная культура, избавлявшаяся от прошлого.

В целом ряде материалов Эренбург описывает разрушение городов, задаваясь вопросом, как дух разрушения в течение короткого срока легко уничтожил то, что создавалось и строилось веками: «Соборы и старинные памятники для людей этой культуры были предметами не первой необходимости, но роскоши. Изучение не означает любви. Готическая архитектура у сотни людей вызывала интерес, у тысяч любопытство, у миллионов – безразличие. Но той живой любви, которая окружала собор еще сто лет тому назад, не было ни у кого. Места самые святые – церкви, места, где протекали главные этапы человеческой жизни от рождения до смерти, – стали диковинами и только. Как “диковины” они в часы войны не могли представлять исключительной ценности» [4, с. 197]. Современные варвары уничтожали в войне старую культуру, не освященную для них верой и любовью, чтобы на месте старых памятников воздвигнуть... казарму, оружейный завод, универсальный магазин. Война, стирая старую культуру, вместе с тем обнажила бесплодность новой безыдейной цивилизации – и в этом, по мнению публициста, «грех и чаяние этой войны» [9, с. 198]: она покалечила многое и многих, но она стала саморазоблачением, а значит, дала надежду на духовное возрождение.

Технический характер войны, определяющий всеисилие машин и загоняющий человека под землю, сделал ее в основном позиционной. Ничего не имеющая общего с прежними баталиями, война превратилась в длительное сидение в окопах и траншеях: не видя врага, не зная его, не сражаясь с ним, солдаты сидят в земле в ожидании смерти. Точно так же, как и моряки на судах и подводных лодках, находятся в длительном ожидании прилета или разрыва мины. Месяцами они пребывают в состоянии скуки, ожидая даже не врага, а просто смерти, и это многомесячное приготовление к смерти страшнее ее самой.

Участник боев под Верденом рассказывает, как длились «месяцы и месяцы окопов»: «16 месяцев я просидел в яме у Л. – под Верденом. Жизнь наладилась вялая и бездеятельная. Неделю сидели и ждали, упадет ли на нас снаряд, четыре дня “отдыхали” от этого ожидания» [9, с. 183]. Но даже когда начались атаки: окопы были разрыты, осыпаны снарядами, люди гибли, – жизнь шла в общем так же просто и буднично. И сначала казалось, что смерть победила жизнь, но вскоре оказалось, что это и есть жизнь – будни, повседневное дело, которое быстро стало привычным. А привыкнув, другую жизнь начали воспринимать как нечто ненормальное. «Я не хочу “Фигаро”, я не хочу “Шахерезады”» [9, с. 161]. «Сжечь бы все это! Уничтожить!» [9, с. 160], – восклицает бывший студент-медик, ныне в погонах помощника-врача, видевший трупик младенца, пятнадцатилетних рекрутов, повешенных старух. Заглянувшие в глаза всаднику на коне бледном, постигают какую-то невыразимую правду: о «неценности всякой, даже самой благоустроенной жизни» [9, с. 169] и о том, что «жизнь ценна лишь там, где она ничего не стоит, сладка лишь для тех, чьи дни трудны, темны, горьки...» [9, с. 263]. Эта тайна, постигнутая в окопах, есть тайна завтрашнего дня человечества, – констатирует публицист.

Будни войны, несмотря на их видимую негероичность, видятся публицисту героическими, потому что они выше человеческих сил. И остается удивляться, как простые, обыкновенные люди незаметно стали героями. Война дает достаточно примеров мужества и героизма: солдат-бретонец ценой своей жизни спасает раненого немца, вынося его с поля боя; юре не выдает мальчика, разыскиваемого немцами, и принимает смерть вместо заложника-мэра; мэр Санлиса, добрый буржуа, с невозмутимым спокойствием принимает смерть. «Если тайна, как мирные обыватели обратились в убийцу, то кто объяснит нам, как добрый буржуа Санлиса обратился в героя?» [4, с. 246], – задается вопросом публицист.

На войне все оказывается перемешанным – все самое низменное со всем самым возвышенным. Изображая разрушение, смерть городов, Эренбург воссоздает характерную картину: «В Перонне я видел в грязи, среди рваных сапог и пивных бутылок, сотни книг. <...> В Бапومه, на месте, где стояла церковь, – мусорная куча. В ней – кусок большого распятия – будто человеческий труп, черепа погребенных, когда-то благочестивых епископов, и над всем почил горшок из какого-то соседнего дома» [9, с. 293]. Все человеческие дела – и благочестивые, посвященные Богу, и низменные, связанные с отправлением естественных физиологических потребностей, оказались в одной куче – в мусорной. Но страшнее не это смешение, а распятие, как человеческий труп, – символ непреображенной плоти, оставления плоти божественным духом, уничтожения божественной тайны. Не случайно поэтому в мусорную кучу превращается именно церковь.

Другой характерный образ дан в корреспонденции «Старые раны». Публицист посещает места битв при Урке, издали поля ему кажутся засаженными деревьями, но, приблизившись, он распознает в них кресты, рядом с которыми идет с плугом крестьянин: «Я замечаю столб с надписью не то мудрой, не то насмешливой: “Просят уважать могилы и не чинить вреда посевам”. Эти слова, старик-пахарь, солнце, нагретые его лучами поля зовут: уважать смерть и жить, жить, жить! Я ничего не понимаю, растерянно гляжу на своего спутника, старого фермера. Мне кажется, он должен знать, как примирить все человечьи дела – плуг и вырытые снарядами ямы, желтые всходы и

черные кресты. Старик тоже смотрит на меня, большим заскорузлым пальцем набивая трубку и точно понимая мое недоумение, говорит: – C'est la vie! (это – жизнь)» [9, с. 242].

Публицист пытается найти ту высоту, с которой можно увидеть войну, чтобы объяснить ее, но не может обрести эту точку. Поэтому ближе всего для него оказываются не строки погибшего при Марне поэта Шарля Пеги о блаженстве погибших за четыре угла родимой земли, которым он, безусловно, сочувствует, а восприятие происходящего русскими воинами в Шампани. «Они не читают газет, не понимают ничего ни в дипломатии, ни в стратегии. Они сидят в окопах, ходят в штыки, живут и умирают. Не за то или за это, а потому что “так надо”, – “война”, – “дело известное, ежели солдат”. Это не покорность раба, это христианское смирение. Мы не можем так жить, мы разучились, мы даже забыли, что ежедневно миллионы людей в темных окопах повторяют на деле Христовы слова: “Да будет твоя воля, но не моя!”» [9, с. 233]. Среди своих, среди русских мужиков, Эренбург говорит свое верю и верую, встает окопная правда, наполняется особым смыслом окопная жизнь, противопоставленная мирному порядку: «Там “устройство”, но там нет ни скорбных очей Богородицы, ни чахоточного слесаря, который пишет стихи и жаждет “неподдельной осуществимости”, ни бедного мужика, который, горько улыбаясь, говорит свое великое “претерпи”» [9, с. 272].

Продолжая осмысливать войну, ее сущность, причины и последствия, Эренбург перебирает свои корреспонденции и в 1919 г., определенным образом сгруппировав тематически близкие записи и изъяв те, которые считал несущественными, «газетными», издает их отдельной книгой, под названием «Лик войны».

Книга Эренбурга переиздавалась четыре раза. Впервые она увидела свет в 1920 г. в Софии в издательстве «Российско-Болгарское книгоиздательство». Затем «Лик войны» был переиздан в 1923 г. в Берлине в издательстве «Геликон». В России книга выпускалась дважды – в 1924 г. в издательстве «Пучина» и в 1928 г. в издательстве «Земля и Фабрика». От первой, софийской, редакции берлинская отличалась стилистической правкой, в то время как московские представляют собой существенно исправленный текст. Сделанные изменения, прежде всего связанные с эволюцией взглядов публициста, выражались в сокращении подглавок – в целом их изъято почти три десятка. Только изъятия в главе «Русские в Шампани», в которой сокращено 10 подглавок, объясняются политическими мотивами: стремлением автора не касаться «мучительного и тяжелого для многих» вопроса о причинах развала русской армии [Цит. по: 9, с. 109].

Книга «Лик войны» состоит из 12 глав, которые объединяют подобранные по темам корреспонденции по принципу дихотомии или антагонизма. Отдельные главы так и называются: «Война и жизнь», «Трусость и храбрость», «Жестокость и милосердие». Очевидно, противопоставлены первая и завершающая главы – «Лик войны» и «Душа войны». Но и другие главы построены по той же модели. Например, рассказ о «цветных» (сенегальцах, малайцев, аннамитов) в одноименной главе основан на отличии их восприятия войны и всего происходящего от восприятия белых. Глава «Религия» содержит и примеры высокого служения духовенства, и выхолащивания, профанации религиозной идеи, подчинения ее политике.

Однако при изображении войны в ее разных ликах – возвышенных и ужасных, в ряде случаев противопоставление оказывается мнимым, в других – оно намеренно стирается автором книги, что особенно заметно при сличении софийской и московских редакций «Лица войны».

Так, в первой и в последних редакциях в одноименной главе не противопоставляются жестокость и милосердие, которые показаны не как «следствие высокой или низкой культуры, это – прилив и отлив страстей, стадия болезни, степень участия человека в общем безумии» [8, с. 55]. Солдат не может не быть жестоким по определению. В то же время у жестокости есть свои проявления. Современная война, в которой рукопашные бои стали исключением, отличается особой жесткостью, ведь «солдаты не видят врага, стреляя не по человеку, а по месту»: «быть жестоким на расстоянии, втемную, куда легче. Одно дело подкатывать снаряд, другое – подойти к этому белокурому молодому парню и выколоть ему глаза» [8, с. 57]. Иное проявление жестокости – «жестокость холодного, трезвого ума, приказ за №», выполненный как «расчетливая работа конкурента» [8, с. 57]. Именно такую жестокость проявляли немцы, планомерно уничтожая людей и города по тщательно разработанному плану.

При этом акты самопожертвования выглядят отчасти нелепо, как завершающий этюд о французе: он утонул, уступив место в шлюпке итальянской паре, которая его поступок оценила как простую вежливость, свойственную жителям Франции, проявив полную неспособность оценить жертву и тем самым обесценив ее.

Нет противопоставления в главе «Грусость и храбрость», которые показаны как случайные субъективные ощущения. В этом разделе Эренбург анализирует поездки на фронт, изучая свои ощущения в минуты опасности: под обстрелом в развалинах Арраса; в Вими в свежей воронке, когда справа и слева падали снаряды; у Дарданелл в ожидании атаки турецких позиций; в Аргонах в тридцати шагах от немцев, подкопавшихся под передовой пост; на английском фронте при пулеметном обстреле с немецкого «таубе»; в Северном море в ожидании атаки подводной лодки. Он описывает страх как появляющийся беспричинно, вне зависимости от размера грозящей опасности, так же быстро исчезающий и часто связанный с боязнью неизвестного, непривычного, а не смерти. Поэтому в главе не показаны эпизоды проявления храбрости, а примеры отсутствия страха, как и в предыдущем разделе примеры милосердия, околичены: крестьянка не боится, что немцы продвинулись вперед, не боится за детей – она думает только о бойкой торговле; мать больше боится переезда, чем опасности от ежедневных обстрелов, в которых уже пострадал ее маленький сын; англичанин высовывается из окопа, потому что ему нужно бриться; шотландец идет по обстреливаемой дороге, потому что хочет обедать и курить, и т.д.

Значимо, что два очень важных характерных эпизода из газетных корреспонденций преобразовываются уже в первой редакции книги, представая здесь изначально в усеченном виде. Так, контрабандист баск Борхес, который нелегально переводит через границу вражеских солдат, чтобы заработать, но в итоге записывается в добровольцы, трансформируется в старика Ляна, в сердце которого не уместаются вместе идея Франции и идея наживы: «Он – только один из многих, истинный “тыловик”. Он хочет, конечно, чтобы Франция победила, но больше всего хочет нажать тысячу-другую» [8, с. 105]. Существенно преобразованным входит в книгу этюд о посещении полей Марнской битвы. В нем исчезает табличка «Уважайте смерть и посевы»: фермера заботит только, когда он сможет уже распахать кладбища, потому что земли не хватает.

В целом, раздел «Тыл» – один из самых темных в книге, и самый страшный его центральный образ – золотой статуи богоматери. При этом единственный фрагмент в оправдание Содома: бабка говорит внучке класть цветы и на могилы французов, и на могилы немцев, – изымается в московских редакциях.

Как изымается подглавка в главе «Жестокость и милосердие» – рассказ об американке, приехавшей, чтобы заново отстроить Витримон, с главным тезисом этого рассказа о невозможности разрушить здание доброты, выстроенное в сердце.

Вымарывается раздел в главе «Душа войны» о чуде перерождения перед лицом смерти скучающего банкира Прево, алчного картежника лакея Гастона, тупого и жестокого испанца Мельдеза.

Показательным является и эпизод с посещением могилы Шарля Пеги в этом же разделе «Душа войны». Публицист обрывает свое повествование на словах о слепоте поэта. Дальнейшие рассуждения о том, что блаженны люди, способные так умирать, что «Пеги поэт был один, Пеги солдат было много» [9, с. 145], вымараны. Вымараны слова об искупительной жертве и надежде, оставлены – о слепоте, которая прощительна умершему в самом начале войны, но не прощительна оставшимся жить и видевшим смерть самой войны.

В главе «Религия» изъяты по сравнению с первоначальной редакцией эпизоды, связанные с проявлениями сознания высоты своего дела у священнослужителей. В результате количество параграфов в разделе сокращено вдвое, а финальным становится эпизод с капралом-аббатом, который пересказывает недавно бывшую с ним сцену: «Ну и поработали! Жалко винтовку свою пришлось оставить... воткнул я в боша штык, высоко хватил. А назад не лезет. Я на живот ногой встал, ташу – не идет... Так и пришлось бросить...» [8, с. 78], а потом напяливает сутану и на покрытом кружевной накидкой ящике из-под снарядов начинает служить мессу.

Существенно меняется звучание всей книги в результате изъятия из московских редакций последнего эпизода последней главы. В первоначальном варианте в финале автор в очередной раз с особым заострением ставил вопрос о том, как примирить ненависть и любовь, жертву и злобу, величие и пошлость. Со слезами и гневом, он не может перестать одновременно и проклинать, и прославлять, а потому молится и просит Бога дать ему понимание. С изъятием этого фрагмента финальным аккордом становится отношение к происходящему солдата, выраженное во фразе «Умирают? Мне наплевать»: «Иду. Надо перейти окоп. Чей-то труп. И переступив уж, замечаю – ведь я его ногой отпихнул. Смерть? Меня убьют? Умер самый близкий мне человек? Все человечество погибнет? Да, конечно, но видеть надоело...» [8, с. 150].

Исчерпывающие пояснения своим правам публицист дает в предисловиях и послесловии к редакциям книги, по которым крайне интересно проследить, как трансформировалась позиция автора.

Объединяет их одна мысль: о том, что война не кончилась, она продолжается. Европа носила в своей утробе войну, ею правили еще до военного времени «начала трезвой жестокости, механического безумия, бездушной воли» [9, с. 37]. В определенной степени война стала искупительной жертвой, потому что на ее полях расцвели «дивные цветы любви» [9, с. 37], «в ее черном сердце гнезвился самый белый голубь» [9, с. 36] – они давали надежду на искупление. Но, оказалось, что надежда на очищающий прилив не оправдалась: война умерла и ее смерть страшит еще больше. Картина, на которой пахарь шел с плугом по краю кладбища и призывал женщин, разыскивающих свои могилы, не топтать посевы, сначала сменилась на картинку, где фермер ожидал уже возможности засеять кладбища, а затем появилась и вовсе страшная карикатура: на ней не было землеша, плачущих женщин, посевов и крестов – на удобренных кровью полях минувших битв появились туристы: «Приезжающие – интернациональные тунеядцы и

гиены вываливают из мягких лимузинов свои разлагающиеся тела, цедя сквозь соломинки прохладительные, они оглядывают камни и гниющие кресты. Парад мертвецов! Инвалиды, слепые, безногие, обожженные горячей жидкостью, с кровавой маской вместо лиц, подпрыгивая, ползая, продают почтовые карточки. Туристы покупают, шлют “сердечные приветы” и кидают на землю гроши, то есть кровь мертвых, пот живых» [9, с. 153]. Срамной понедельник, возвращение на прежнюю блевотину – вот, что видит публицист. И он проклинает такой мир, который со всей очевидностью породит новую войну.

Если при первом издании книги автор вкладывал в нее надежду: не мог возносить или разоблачать, призывал не забывать войну, потому что она может повториться, то при переиздании он разоблачает и предрекает: все готовы на новый знойный, душный день.

ВЫВОДЫ

Первая мировая война является едва ли не самой значимой вехой в эренбургском творчестве – антивоенном и антифашистском по своему основному содержанию. Существенную роль в его становлении как писателя-публициста сыграл опыт военного корреспондентства. В 1916 г., когда газетчик осматривал поля сражений под Марной и Верденом, были задуманы его первые антивоенные романы и повести – прежде всего, роман «Хулио Хуренито», который, по признанию самого автора, определил не только его литературный путь, но и его жизнь; без которого он не сумел бы написать «Падение Парижа».

Из газетных публикаций сотрудника «Утра России» и «Биржевых ведомостей» составила первая прозаическая книга писателя – «Лик войны», в которой перед автором «встала проблема жанрового “самоопределения”» и обозначились черты эренбургского стиля – «предельный лаконизм, афористичность, сочетание иронии с прямым выражением чувств» [2].

Эренбургская публицистика периода Первой мировой войны философична: газетчика интересует «сокровенная биография» войны, а не ее «послужной список». Он восстанавливает внешний лик войны, но пытается распознать ее душу. Он не информирует, а рассуждает, и, прежде всего, предметом его размышлений становится «затасканная “душа человека”» [9, с. 41]. Много позже Эренбург об этом напишет: «повсюду меня сопровождали мои раздумья и сомнения; они родились давно, еще в годы Первой мировой войны, когда я начал самостоятельно думать. Увидев огромное военное хозяйство, мгновенное отречение людей от мысли, механизацию любви, убийства, смерти, я понял, что в опасности само понятие человека» [11, с. 500]. Раздумья и сомнения, которые корреспондент изливает в своих газетных материалах, по форме близких к художественным эссе, связаны с попытками осмыслить и объяснить противоречия человеческой природы и человеческой культуры, которые обнажила война.

На этих противоречиях, как на контрастах, строится внешняя канва первой прозаической книги Эренбурга «Лик войны». Отбирая яркие, выпуклые сюжеты, сцены, картины, художник отсекает, как рамкой видеоискателя, сопровождающую информацию: остаются мгновенные снимки, которые таким образом превращаются «в эмблему войны или человека на войне» [цит. по: 1, с. 84].

Переиздания «Лица войны», которые связаны со значимыми правками текста, обусловлены появлением большой и крайне напряженно звучащей темы в творчестве Эренбурга – темы памяти и забвения. Видя, как Европа, неочищенная, возвращается на

прежнюю блевотину, а грех войны остается неискупленным, публицист констатирует крушение собственных иллюзорных надежд на преобразование человека и культуры. Это крушение иллюзий отражается в тексте, где вымарываются фрагменты, изображающие проявление на войне лучших свойств человеческой природы, контрасты стираются и остается череда снимков злых дел и темных мест.

Таким образом, поиски Эренбурга рассматриваемого периода значимы не только как веха на его жизненном и творческом пути. Они также дают богатый материал для изучения способов освоения темы войны (в данном случае автором, который считал, что существуют разные войны, и, соответственно, они по-разному отражаются в публицистике и литературе); методов превращения газетных материалов в большую публицистику и художественную прозу, и, наконец, феномена «живой», «подвижной» книги, содержание которой, образуя единство с предисловиями/послесловиями, изменяется в зависимости от заложенного в последних публицистического пафоса.

Список литературы

1. Грибоедова А. В. Творчество Ильи Эренбурга начала 20-х годов: проблематика и поэтика. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 281 с.
2. Гринфельд (Соболь) В. А. Она пришла не случайно. Илья Эренбург – военный корреспондент // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сборник научных трудов 9-ой Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024. – С. 141–144.
3. Ландау Е. Публицистика Ильи Эренбурга // Вопросы литературы. – 1966. – № 1. – Режим доступа: <https://voplit.ru/article/publitsistika-ili-erenburga/>. – (Дата обращения: 21.01.2025).
4. Полонский В. В. Основные векторы поэтико-идеологических трансформаций в русской литературе и публицистике эпохи Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (2). С. 13–19.
5. Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в док, письмах, высказываниях и сообщ. прессы, свидетельствах современников). Т. 1. – СПб., 1993. – 382 с.
6. Фоминых Т. Н. Первая мировая война в русской прозе 1920–1930 гг.: историософия и поэтика. – Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1998. – 383 с.
7. Фрезинский Б. Прекрасная книга // Эренбург И. Г. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. – СПб., 2014. – С. 7–31.
8. Эренбург И. Г. Лик войны. – М.–Л., 1928. – 124 с.
9. Эренбург И. Г. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. – СПб., 2014. – 350 с.
10. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: книги первая, вторая, третья. – М., 2023. – 656 с.
11. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: книги четвертая, пятая. – М., 2024. – 592 с.

References

1. Griboedova A. V. *Tvorchestvo Il'i E`renburga nachala 20-kh godov: problematika i poe`tika: Dis. ... kand. filol. nauk* [Ilya Ehrenburg's creative work of the early 20s: problematics and poetics. Thesis]. Moscow, 2014. 281 p.
2. Grinfeld (Sobol) V. A. *Ona prishla ne sluchaino. Il`ya E`renburg – voenny`i korrespondent* [She didn't come by accident. Ilya Ehrenburg – war correspondent]. *Modern Media in the context of information Technology: proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg, 2024, pp. 141–144.
3. Landau E. *Publitsistika Ilii E`renburga* [Ilya Ehrenburg's publicism]. *Voprosy` literatury`*. 1966. no. 1. Available from: <https://voplit.ru/article/publitsistika-ili-erenburga/> (accessed 21 January 2025).
4. Polonsky V. V. *Osnovny`e vektory` poe`tiko-ideologicheskikh transformacii v russkoi literature i publitsistike e`pokhi Pervoi mirovoi vojny`* [The main vectors of poetic and ideological transformations in Russian literature and journalism of the First World War era]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2014, no 2 (2), pp. 13–19.

ПУБЛИЦИСТИКА ИЛЫИ ЭРЕНБУРГА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5. Popov V., Frezinsky B. *Il'ya E`renburg: Khronika zhizni i tvorchestva (v dokumentakh, pis'makh, vy`skazyvaniyakh i soobshheniyakh pressy`, svidetel'stvakh sovremennikov)* [Ilya Ehrenburg: Chronicle of his life and work (in documents, letters, statements and press reports, testimonies of contemporaries)]. Vol. 1. St. Petersburg, 1993. 382 p.
6. Fominykh T. N. *Pervaya mirovaya voina v russkoi proze 1920–1930 gg.: istoriosofiya i poe`tika: Dis. ... kand. filol. nauk* [The First World War in Russian Prose 1920–1930: Historiosophy and Poetics. Thesis]. Moscow, 1998. 383 p.
7. Frezinsky B. *Prekrasnaya kniga* [It's a beautiful book]. *Erenburg I. G. Lik vojny. Vospominaniya s fronta, 1919, 1922–1924. Gazetnye korrespondencii i stat'i, 1915–1917*. St. Petersburg, 2014. pp. 7–31
8. Ehrenburg I. G. *Lik voiny`* [The Face of War]. Moscow–Leningrad. 1924. 124 p.
9. Ehrenburg I. G. *Lik voiny`*. *Vospominaniya s fronta, 1919, 1922–1924. Gazetny`e korrespondentsii i stat'i, 1915–1917* [The Face of War. Memoirs from the front, 1919, 1922–1924. Newspaper correspondence and articles, 1915–1917]. Saint-Petersburg, 2014. 350 p.
10. Ehrenburg I. G. *Lyudi, gody`, zhizn`: knigi pervaya, vtoraya, tret`ya* [People, years, life: books one, two, three]. Moscow, 2023. 656 p.
11. Ehrenburg I. G. *Lyudi, gody`, zhizn`: knigi chetvertaya, pyataya* [People, years, life: books four, five]. Moscow, 2024. 592 p.

ILYA EHRENBURG'S PUBLICISM DURING THE FIRST WORLD WAR

Boyarkina N. V.

The article analyzes Ilya Ehrenburg's war correspondences, which he created as a correspondent on the Franco-German front for the Russian newspapers «Utro Rossii» and «Birzhevye Vedomosti». The article considers the transformation of newspaper materials into a literary text – the first prose work «The Face of War». It also examines how the content of this book was transformed during the preparation of various editions, depending on the change in the author's views expressed in the prefaces and afterwords to the work.

Keywords: Ilya Ehrenburg, First World War, military correspondence, man, European culture.